

УДК 159.923.2:316.624

UDC 159.923.2:316.624

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПРИ
НЕХИМИЧЕСКИХ ВИДАХ
ЗАВИСИМОСТИ****FUNCTIONAL STRUCTURE
OF SELF-IDENTIFICATION
IN NON-CHEMICAL FORMS
OF ADDICTION**

Е. С. Малаховская,
*аспирант кафедры общей
и организационной
психологии БГПУ;*

Д. Г. Дьяков,
*кандидат психологических наук,
доцент, директор Института
психологии БГПУ*

Ye. Malakhovskaya,
*Post-Graduate Student of the
Department of General and
Organizational Psychology, BSPU;*

D. Dyakov,
*PhD in Psychology,
Associate Professor, Director of
Institute of Psychology, BSPU*

Поступила в редакцию 10.07.18.

Received on 10.07.18.

В статье представлены результаты исследования функциональной структуры самоидентификации у лиц с различными видами нехимической зависимости: зависимость от азартных игр, компьютерная и интернет-зависимости.

Основой проведенного исследования выступила модель процесса самоидентификации, выстроенная в русле культурно-исторического подхода. Выявлено, что функциональная структура самоидентификации при нехимических видах зависимости обнаруживает существенные количественные и качественные особенности по сравнению с функциональной структурой этого процесса в норме.

Ключевые слова: самоидентификация, функциональная структура самоидентификации, зависимость от азартных игр, компьютерная зависимость, интернет-зависимость.

The article presents the results of a study of the functional structure of self-identification in dependence on gambling, computer and Internet addiction. The basis of the study was a model of the process of self-identification, built in the mainstream of the cultural-historical approach. It is shown that the functional structure of self-identification in non-chemical forms of dependence reveals significant quantitative and qualitative characteristics in comparison with the functional structure of this process in the norm.

Keywords: self-identification, functional structure of self-identification, gambling, computer addiction, internet addiction.

Введение.

В настоящее время исследованию нехимических видов зависимости уделяется значительно меньшее внимание по сравнению с исследованием зависимостей химических. Это связано, прежде всего, с различиями в характере влияния на психическое и физическое здоровье человека, а также с отсроченностью наступления негативных последствий.

Большинство психологических исследований зависимости от азартных игр фокусируются на выделении психологических особенностей зависимой личности и составлении ее психологического портрета. Патологический игрок рассматривается при этом как индивид, обладающий достаточно уязвимой личностной структурой, неустойчивой системой ценностей, фиксирующий свое внимание на иллю-

зорных, часто недостижимых целях и предельных смыслах [1–6].

Научные работы, посвященные изучению интернет-зависимости и компьютерной зависимости, в большинстве своем направлены на рассмотрение закономерностей формирования у зависимых лиц аутодеструктивного поведения. При этом акцент в исследованиях делается на тех психологических особенностях зависимой личности, которые рассматриваются в качестве факторов формирования зависимости: межличностное взаимодействие, эмоциональная сфера, контроль времени, проведенного в сети или за компьютерной игрой, критичность по отношению к своему состоянию, наличие депрессивной симптоматики и физиологических нарушений (нарушения сна, головная боль, онемения кистей и т. д.) [7–17].

В то же время явно недостаточное внимание уделяется изучению отношения зависимых к себе, их, осуществляемой во внутреннем плане социокультурной самопрезентации, ее вероятному изменению в условиях развития зависимости и, как следствие, изменению структуры социальных отношений, в которых они участвуют, характера осуществляемых ими видов деятельности. Все это не может не сказываться на эффективности корректирующих и реабилитационных программ, разрабатываемых для людей этой категории.

Рассмотрение самоидентификации как целостной психической функции, на наш взгляд, предоставляет возможность выделить ее паталогические нарушения при нехимических видах зависимости, позволяет лучше понять природу зависимой личности, и в дальнейшем применить полученные результаты при разработке психотерапевтических и реабилитационных программ. Таким образом, **целью** представленного исследования является определение количественных и качественных особенностей функциональной структуры самоидентификации при нехимических видах зависимости. **Методологическим основанием исследования** является культурно-исторически фундированная модель самоидентификации, выстроенная и эмпирически аргументированная в наших предыдущих работах [18–20]. Самоидентификация определяется в рамках данной модели «как высшая психическая функция знаково- и символически опосредствованного отношения человека к своим действиям как к реализуемым в определенной социальной роли, опирающимся на единые образные ценности и составляющим целостную индивидуальную историю субъекта» [18–20]. Она реализуется в трех основных функциях (выступающих в качестве подфункций по отношению к самоидентификации как психической функции): 1) становление знака в качестве орудия, обеспечивающего представление себя сознанию как целостного субъекта определенной социальной практики; 2) аксиоматизационно-детерминированный отбор и последующее интегрирование разрозненной феноменологии индивидуальной истории, а также целей субъекта с помощью знака (формирование идентификационных конструктов); 3) обеспечение символически опосредствованного единства идентификационных конструктов, а также социокультурных контекстов, в которых реализуется каждый из таких конструктов в сознании субъекта (формирование интегральной идентифицированности

субъекта, или метаидентификационного конструкта).

Основным психодиагностическим инструментарием для реализации цели данного исследования является сконструированная на основе авторской модели «Методика исследования функциональной структуры самоидентификации», которая включает три задания, направленных на изучение сформированности функциональных блоков этого процесса (более подробное описание методики представлено в наших предыдущих работах [18–20]). Результаты выполнения испытуемыми всех заданий и вычисление единого показателя позволяют выявить уровни сформированности каждой из функций структуры самоидентификации, которые выступают в качестве подфункций по отношению к самоидентификации как психической функции. Уровень сформированности каждой функций структуры самоидентификации выражается в баллах: от трех – при максимально высоком уровне сформированности функции, до 0 – при неспособности выполнить задания.

Общий объем выборки составил 127 человек в возрастном диапазоне от 20 до 30 лет. В контрольную группу вошли 30 участников исследования, у которых отсутствовали различные виды зависимости.

Экспериментальными являлись три группы. В первую были включены 30 участников, страдающих зависимостью от азартных игр и проходящих лечение в РНПЦ психического здоровья и МОКЦ «Психиатрия-Наркология» г. Минска. Для формирования второй и третьей экспериментальных групп было проведено дополнительное исследование с использованием специальных методик (Тест Кимберли-Янг на интернет-зависимость; Способ скрининговой диагностики компьютерной зависимости (Л. Н. Юрьева, Т. Ю. Ботьбот, 2005); Шкала Интернет-зависимости С. Чен, адаптация В. Л. Малыгина, К. А. Феклисова). На основании проведенной диагностики, вторую группу составили 32 участника, у которых было выявлено наличие компьютерной зависимости, а 35 участников с интернет-зависимостью вошли в третью экспериментальную группу.

Результаты исследования

Проведение методики включало 3 этапа (задания). При выполнении первого задания «Исследование сформированности знака как орудия самоидентификации» все испытуемые, не страдающие зависимостями, и абсолютное большинство лиц с различными видами зависимостей продемонстрировали третий

(максимальный) уровень сформированности такой подфункции самоидентификации, как использование знака в качестве ее орудия.

В рамках второго задания «Исследование сформированности идентификационных конструктов» у испытуемых, не страдающих зависимостью, так же как и при выполнении первого задания, фиксируется преобладание третьего (высшего) уровня сформированности подфункции. У испытуемых с компьютерной и интернет-зависимостью выявлено доминирование второго (среднего) и третьего (высшего) уровней. Сформированность рассматриваемой подфункции у большинства участников группы зависимых от азартных игр, в отличие от других исследуемых групп, находится на первом (низком) уровне.

При выполнении третьего задания, направленного на исследование интегральной целостности идентификационных конструктов, группа лиц, не страдающих зависимостью, обнаруживает преобладание первого (низкого) и третьего (высшего) уровней сформированности данной подфункции, тогда как в группах лиц с различными видами нехимических зависимостей преобладают первый и вто-

рой уровни ее сформированности, при этом третий уровень в экспериментальной группе проявляется незначительно, только у 5–10 % испытуемых.

Согласно «Методике исследования функциональной структуры самоидентификации», единый показатель отражает уровень сформированности самоидентификации как высшей психической функции. Результаты исследования свидетельствуют о преобладании у испытуемых, не имеющих зависимости, третьего (46,7 %) и второго (40,00 %) уровней сформированности самоидентификации; при этом в группе лиц с различными зависимостями преобладающим является первый (от 70 до 45 %) и второй (от 48 до 20 %) уровни сформированности самоидентификации.

Для проверки гипотезы о статистической значимости различий между исследуемыми группами был применен χ^2 -критерий Пирсона. Статистически значимых различий в сформированности первой подфункции во всех группах, принимавших участие в исследованиях, не выявлено. Абсолютное большинство участников исследования имеют третий (наивысший) уровень ее сформированности.

Таблица. – Сформированность функциональной структуры самоидентификации исследуемых групп

Задания методики	Уровень сформированности самоидентификации	Норма	Зависимость от азартных игр	Компьютерная зависимость	Интернет-зависимость
№1	0	0 (0,00 %)	0 (0,00 %)	0 (0,00 %)	0 (0,00 %)
	1	0 (0,00 %)	0 (0,00 %)	0 (0,00 %)	0 (0,00 %)
	2	0 (0,00 %)	1 (3,33 %)	1 (2,86 %)	1 (3,13 %)
	3	30 (100,00 %)	29 (96,67 %)	34 (97,14 %)	31 (96,88 %)
№ 2	0	0 (0,00 %)	0 (0,00 %)	0 (0,00 %)	0 (0,00 %)
	1	0 (0,00 %)	12 (40,00 %)	2 (5,71 %)	1 (3,13 %)
	2	4 (13,3 %)	11 (36,67 %)	12 (34,29 %)	15 (48,88 %)
	3	26 (86,7 %)	7 (23,33 %)	21 (60,00 %)	16 (50,00 %)
№ 3	0	0 (0,00 %)	0 (0,00 %)	0 (0,00 %)	0 (0,00 %)
	1	10 (33,3 %)	16 (53,33 %)	20 (57,14 %)	16 (50,00 %)
	2	6 (20,00 %)	11 (36,67 %)	13 (37,14 %)	13 (40,63 %)
	3	14 (46,7 %)	3 (10,00 %)	2 (5,71 %)	3 (9,38 %)
Итоговый показатель	0	0 (0,00 %)	1 (3,33 %)	0 (0,00 %)	0 (0,00 %)
	1	4 (13,3 %)	21 (70,00 %)	16 (45,71 %)	16 (50,00 %)
	2	12 (40,00 %)	6 (20,00 %)	17 (48,57 %)	14 (43,75 %)
	3	14 (46,7 %)	2 (6,67 %)	2 (5,71 %)	2 (6,25 %)

С помощью χ^2 -критерия Пирсона определено, что по степени сформированности идентификационных конструктов (2 подфункция самоидентификации) статистически значимые различия с контрольной группой имеют участники всех трех экспериментальных групп: страдающие зависимостью от азартных игр ($\chi^2=26,21$), страдающие от компьютерной зависимости ($\chi^2=6,18$) и интернет-зависимости ($\chi^2=9,69$).

При рассмотрении результатов расчета χ^2 -критерия Пирсона с использованием данных, характеризующих сформированность подфункции интегрированности идентификационных конструктов, установлена статистическая значимость различий между показателями, полученными в контрольной группе, и в группе испытуемых с зависимостью от азартных игр ($\chi^2=9,97$). Подробный анализ сформированности функциональной структуры самоидентификации в исследуемых группах представлен в таблице.

Интегральный показатель, согласно «Методике исследования функциональной структуры самоидентификации», позволяет провести сравнение уровня сформированности самоидентификации как высшей психической функции. Проведя сравнение с помощью χ^2 -критерия Пирсона, мы сделали следующие выводы: показатели испытуемых каждой из трех экспериментальных групп имеют статистически значимые отличия от показателей испытуемых контрольной группы – зависимые от азартных игр ($\chi^2=23,56$); лица с компьютерной зависимостью ($\chi^2=16,78$); лица с интернет-зависимостью ($\chi^2=16,31$).

Таким образом, была подтверждена выдвинутая нами гипотеза, согласно которой развитие самоидентификации как целостной психической функции в норме у лиц, не имеющих зависимостей, выше, чем у лиц, страдающих нехимическими видами зависимости.

Следовательно, у лиц, страдающих нехимическими видами зависимости, самоидентификация сформирована на существенно более низком уровне, по сравнению с людьми, не имеющими такой зависимости.

Анализ ответов, полученных от всех участников исследования в ходе выполнения заданий методики, позволил выявить качественные особенности самоидентификации всех исследуемых групп.

При выполнении задания «Исследование сформированности знака как орудия самоидентификации» испытуемые, не имеющие зависимости, в ответах на вопрос «Кто Я?»

предлагали большое количество категорий (от 6 до 11), при этом каждая категория сопровождалась длительным обдумыванием и специальной аргументацией («Королева», так как стараюсь сформировать у себя королевские качества»). Первые три значимые позиции чаще всего занимают категории, ориентированные на будущее, на профессиональное самоопределение («Успех», «Психолог»), а также отражающие социальный и семейный статус испытуемого («Дочь», «Подруга») и сферу его интересов («Художник», «Творчество»).

Количество называемых категорий в группе лиц, страдающих зависимостями, меньше, чем в группе лиц, у которых зависимости отсутствуют, и, как правило, не превышает шести. Испытуемые, страдающие зависимостью от азартных игр, по степени значимости отдавали предпочтение как гендерным ролям, так и ролям, отражающим их профессиональную деятельность. Фиксируется также использование таких категорий, как «Азарт», «Риск», «Ставка» и т. п., характеризующих в основном спектр переживаний испытуемого, получаемых в ходе игры.

В ходе выполнения первого задания испытуемые с компьютерной зависимостью обращались к категориям, связанным с функцией субъекта в игре и сервисах распространения компьютерных игр («Танк», «Саппорт» и др.), а также к категориям, отражающим успехи, количество побед, статус в игровом рейтинге («Герой», «Звание» и др.). Особенностью ответов участников исследования с интернет-зависимостью является сложность в ранжировании идентификационных категорий, а также обращение к категориям, связанным с функциями и действиями субъекта в виртуальном мире («Блогер», «Канал», «Твичер», «Донат»).

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что у испытуемых с нехимическими видами зависимости в ответах доминируют категории, отстраненные от реальных ситуаций, актуальные в «другом мире», который является для этих людей более интересным и психологически комфортным. У испытуемых с этими видами зависимости происходит смещение акцентов с реальных ценностей, для достижения которых нужно развиваться и преодолевать ряд трудностей в реальном мире, на виртуальные, достижение которых связано с техническими умениями, а не с личностным развитием. Возникает процесс замещения реальных ролей виртуальными, при котором происходит их встраивание в структуру само-

идентификации. В то же время, если реально существующие роли ориентированы на развитие и накопление знаний, то виртуальные лишь сильнее погружают человека в иллюзорный виртуальный мир, отвлекая от решения предметных задач.

При выполнении задания **«Исследование сформированности идентификационных конструкторов»** (описание задания см. [18, 20]) испытуемые контрольной группы демонстрировали тенденцию к выстраиванию целостных социокультурных линий индивидуальной истории для каждой из выделенных в первом задании значимых идентификационных категорий. Автобиографическое повествование представляет собой четко организованный и структурированный рассказ с обилием разновременных событий, объединенных общей категорией.

При составлении индивидуальной истории в группе испытуемых, зависимых от азартных игр, прослеживается тенденция к выделению событий, отражающих лишь их положительные черты и поступки («помогал окружающим», «участвовал в благотворительных акциях» и т. д.), которые также подчеркивают значимость и умения субъекта. В повествовании практически не прослеживается период патологического увлечения азартной игрой. При этом демонстрируется желание со временем вернуться в «положительное и успешное» прошлое, туда, где окружающие видели в испытуемом ответственного, обеспеченного человека. У испытуемых этой группы наблюдается отсутствие критического взгляда на собственные поступки, непринятие факта наличия психического расстройства, а также иллюзия способности его контролировать.

В ответах испытуемых с компьютерной зависимостью события, происходящие в рамках компьютерной игры, вводятся в автобиографическое повествование наравне с реально существующими. Наиболее ярко окрашенными и активно описываемыми являются события из недавнего прошлого и / или ближайшего будущего, связанные с получением финансовой поддержки за прохождение игр или развитие игрового персонажа. В группе интернет-зависимых особое внимание направлено на события, способствующие получению субъектом разнообразной информации в сети (просмотр обновления «блогов», интернет-каналов, новинки игровой сферы и т. д.), а также продвижению себя в виртуальной среде.

Таким образом, можно сделать вывод, что участники исследования с нехимическими ви-

дами зависимости при составлении автобиографического повествования особое внимание уделяют событиям, связанным со сферой их игровых и сетевых интересов и увлечений, которые при этом не обладают в сознании субъекта негативными коннотациями. У испытуемых отсутствует заинтересованность в иных, кроме виртуальных и игровых, социокультурных практиках.

Задание **«Исследование интегрированности идентификационных конструкторов»**, позволяет изучить соответствующую подфункцию посредством пространственной объективизации взаимосвязи идентификационных категорий [18, 20]. Участники контрольной группы использовали одну фигуру для объединения всех значимых категорий, указывая на свою личность как основу для объединения этих элементов в единое целое. При этом они подчеркивают, что, несмотря на содержательное различие ролей и сфер социокультурной практики, общим для всех этих ролей является наличие единообразных ценностей субъекта.

Испытуемые с различными нехимическими зависимостями делают акцент на категориях, связанных с игровой сферой и активностью субъекта в виртуальном мире. Роли, не связанные с виртуальным пространством и игровой сферой, располагаются на фигурах, стоящих по бокам от центральной, и чаще занимают средние грани, что может рассматриваться как дополнительное косвенное свидетельство их меньшей значимости для испытуемого.

На основании проведенного анализа можно заключить, что в норме, при отсутствии зависимости, у субъекта в качестве причины размещения категорий на отдельных фигурах может рассматриваться незавершенность процесса самоидентификации, включенность субъекта в социально и культурно различную деятельность, динамичность и пластичность метаидентификационных конструкторов в период ранней взрослости.

При нехимических видах зависимости в структуре самоидентификации, как правило, происходит сужение интересов субъекта до одной значимой сферы, игнорирование событий, происходящих в предметном мире, погружение в «альтернативную реальность», что является, как мы полагаем, основной причиной размещения категорий на отдельных фигурах. Самоидентификация лишается своей целостности ввиду включения в нее «виртуальной идентичности». Эта включенность, опираясь на иные, по отношению к другим категориям, ценности, представляется субъекту

более комфортной по сравнению с остальными, и вынуждает его фрагментировать мета-идентификационный конструкт, разводя идентификационные конструкты в самосознании.

Заключение

1. Количественный анализ результатов исследования показал наличие статистически значимых различий между контрольной и экспериментальными группами по таким подфункциям, как «ценностно-детерминированный отбор и ассоциирование разрозненной феноменологии индивидуальной истории с помощью знака» и «обеспечение единства представленности в сознании ассоциированных знаком содержаний чувственного опыта», а также по уровню сформированности самоидентификации как целостной психической функции.

2. Функциональная структура самоидентификации у участников контрольной группы является в целом сформированной: отмечается использование категорий, фиксирующих определенную социокультурную позицию в качестве орудия самоидентификации; построение целостной последовательной индивидуальной истории на основе выбранных катего-

рий; рассмотрение каждой идентификационной категории в качестве компонента самосознания как целого (метаидентификационного конструкта).

3. Функциональная структура самоидентификации у участников экспериментальных групп (зависимых от азартных, компьютерных игр, от сети Интернет) сформирована фрагментарно и обладает следующими особенностями:

- в качестве средств самоидентификации используются, как правило, категории, фиксирующие позицию не в реально существующем социуме, а в квазисоциальном пространстве;
- событиям квазисоциального пространства присваивается статус реально существующих и главенствующих в автобиографическом повествовании;
- отсутствует символическое единство между категориями, поскольку категории, фиксирующие практики, реализуемые в квазисоциальном пространстве, являются чрезмерно значимыми, но ценностно несогласованными с остальными социокультурными практиками человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем, версия 2018 / пер. с англ. М. В. Максимова, С. К. Чемякина, А. Ю. Сафронова. – Т. 1. – Ч. 1.
2. Кузнецова-Морева, Е. А. Клинико-психопатологические особенности патологической склонности к азартным играм (клинические и динамические аспекты) : дис. ... канд. мед. наук: 14.00.18 / Е. А. Кузнецова-Морева. – М., 2010. – 206 л.
3. Менделевич, В. Д. Руководство по аддиктологии / В. Д. Менделевич. – СПб. : Речь, 2007. – 768 с.
4. Неяскина, Ю. Ю. Психологические особенности лиц, склонных к игровой зависимости (эмпирическое исследование особенностей образа «я» у мужчин с патологическим пристрастием к азартным играм) / Ю. Ю. Неяскина, А. М. Нуждина // Вестник КРАУНЦ. – Гуманитарные науки. – 2007. – № 2. – С. 15–29.
5. Ильин, Е. П. Психология риска / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2012. – 267 с.
6. Исследование проблемного гемблинга у молодежи Республики Беларусь / Е. В. Снытков [и др.] // Сахаровские чтения 2015 года: экологические проблемы XXI века : материалы 15-й междунар. науч. конф., 21–22 мая 2015 г., г. Минск, Республика Беларусь / под ред. С. С. Позняка, Н. А. Лысухо. – Минск : МГЭУ им. А. Д. Сахарова, 2015. – С. 93–94.
7. Важенин, М. М. Диагностика компьютерной зависимости и состояния игровой активности у подростков и молодежи Республики Беларусь / М. М. Важенин, И. В. Григорьева // Актуальные проблемы медицины :

REFERENCES

1. Mezhdunarodnaya statisticheskaya klassifikatsiya bolezney i problem, svyazannykh so zdorovyem, versiya 2018 / per. s angl. M. V. Maksimova, S. K. Chemyakina, A. Yu. Safronova. – T. 1. – Ch. 1.
2. Kuznetsova-Moreva, Ye. A. Kliniko-psichopatologicheskiye osobennosti patologicheskoy sklonnosti k azartnym igram (klinicheskkiye i dinamicheskkiye aspekty) : dis. ... kand. med. nauk: 14.00.18 / Ye. A. Kuznetsova-Moreva. – M., 2010. – 206 l.
3. Mendelevich, V. D. Rukovodstvo po addiktologii / V. D. Mendelevich. – SPb. : Rech, 2007. – 768 s.
4. Neyaskina, Yu. Yu. Psichologicheskkiye osobennosti lits, sklonnykh k igrovoy zavisimosti (empiricheskoye issledovaniye osobennostey obraza «ya» u muzhchin s patologicheskim pristrastiyem k azartnym igram) / Yu. Yu. Neyaskina, A. M. Nuzhdina // Vestnik KRAUNTS. – Gumanitarnyye nauki. – 2007. – № 2. – S. 15–29.
5. Ilyin, Ye. P. Psikhologiya riska / Ye. P. Ilyin. – SPb. : Piter, 2012. – 267 s.
6. Issledovaniye problemnogo gemblinga u molodezhi Respubliki Belarus / Ye. V. Snytkov [i dr.] // Sakharovskkiye chteniya 2015 goda: ekologicheskkiye problemy XXI veka : materialy 15-y mezhdu nar. nauch. konf., 21–22 maya 2015 g., g. Minsk, Respublika Belarus / pod red. S. S. Poznyaka, N. A. Lysukho. – Minsk : MGEU im. A. D. Sakharova, 2015. – S. 93–94.
7. Vazhenin, M. M. Diagnostika kompyuternoy zavisimosti i sostoyaniya igrovoy aktivnosti u podrostkov i molodezhi Respubliki Belarus / M. M. Vazhenin, I. V. Grigoryeva // Aktualnyye problemy meditsiny : sbornik nauchnykh statey

- сборник научных статей Республиканской научно-практической конференции и 23-й итоговой научной сессии Гомельского государственного медицинского университета. – Гомель, 2014 года. – С. 95–99.
8. *Урсу, А. В.* Сверхценное увлечение компьютерными играми детей и подростков. Распространенность и клинико-психопатологические проявления : дис ... канд. мед. наук: 19.00.04 / А. В. Урсу. – М. : 2012. – 130 л.
 9. *Юрьева, Л. Н.* Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика: Монография / Л. Н. Юрьева, Т. Ю. Болбот. – Днепропетровск : Пороги, 2006. – 196 с
 10. *Янг, К. С.* Диагноз – Интернет-зависимость / К. С. Янг // Мир Интернет. – 2000. – № 2. – С. 24–29.
 11. *Griffiths, M. D.* The evolution of internet addiction: A global perspective / V. D. Griffiths, D. J. Kuss, J. Billieux, H. M. Pontes // Addictive Behaviors. – 53. – 2016. – P. 193–195.
 12. *Иванов, М. С.* Личностные предпосылки формирования игровой компьютерной аддикции / М. С. Иванов // Сборник научных трудов Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2004. – С. 370–377.
 13. *Фомичева, Ю. В.* Психологические корреляты увлеченности компьютерными играми / Ю. В. Фомичева, А. Г. Шмелев, А. Г. Бурмистров // Вестн. МГУ. – Сер. 14 : Психология. 1991. – № 3. – С. 27–39.
 14. *Мураткина, Ю. Н.* Взаимосвязь компьютерной зависимости и совладающего поведения подростков: дис. ... канд. псих. наук: 19.00.07 / Ю. Н. Мураткина. – Surgut : 2010. – 154 л.
 15. *Егоров, А. Ю.* К вопросу о новых теоретических аспектах аддиктологии / А. Ю. Егоров // Наркология и аддиктология. Сб. науч. тр. / под. ред. проф. В. Д. Менделевича. – Казань : Школа, 2004. – С. 80–88.
 16. *Войкунский, А. Е.* Актуальные проблемы психологии зависимости от интернета / А. Е. Войкунский // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25. – № 1. – С. 90–100.
 17. *Лоскутова, В. А.* Интернет-зависимость как форма нехимических аддиктивных расстройств: дис ... канд. мед. наук: 14.00.18 / В. А. Лоскутова. – Новосибирск, 2004. – 107 л.
 18. *Дьяков, Д. Г.* Функциональная структура самоидентификации слабовидящих подростков / Д. Г. Дьяков, Н. П. Радчикова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. – 2016. – Вып. 4. – С. 130–145.
 19. *Дьяков, Д. Г.* Ценностные ориентации и самоидентификация личности: феномен кольцевой детерминации в психологии / Д. Г. Дьяков // Науковий вісник херсонського державного університету. Сер. Психологічні науки. – 2014. – Том 1. – Вип. 1. – С. 36–44.
 20. *Дьяков, Д. Г.* Самоидентификация у лиц, страдающих психическими расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ разного типа: компаративный анализ / Д. Г. Дьяков, Н. Н. Жук, Е. С. Малаховская // Сибирский психологический журнал. – 2016. – № 59. – С. 85–107.
 - Respublikanskoj nauchno-prakticheskoj konferentsii i 23-y itogovoy nauchnoy sessii Gomelskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta. – Gomel, 2014 goda. – S. 95–99.
 8. *Ursu, A. V.* Sverkhtsennoye uvlecheniye kompyuternymi igrami detey i podrostkov. Rasprostranennost i kliniko-psihopatologicheskiye proyavleniya : dis ... kand. med. nauk: 19.00.04 / A. V. Ursu. – M. : 2012. – 130 l.
 9. *Yuryeva, L. N.* Kompyuternaya zavisimost: formirovaniye, diagnostika, korrektsiya i profilaktika: Monografiya / L. N. Yuryeva, T. Yu. Bolbot. – Dnepropetrovsk : Porogi, 2006. – 196 s.
 10. *Yang, K. S.* Diagnost – Internet-zavisimost / K. S. Yang // Mir Internet. – 2000. – № 2. – S. 24–29.
 11. *Griffiths, M. D.* The evolution of internet addiction: A global perspective / V. D. Griffiths, D. J. Kuss, J. Billieux, H. M. Pontes // Addictive Behaviors. – 53. – 2016. – P. 193–195.
 12. *Ivanov, M. S.* Lichnostnyye predposylki formirovaniya igrovoy kompyuternoy addiktzii / M. S. Ivanov // Sbornik nauchnykh trudov Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – Kemerovo, 2004. – S. 370–377.
 13. *Fomicheva, Yu. V.* Psikhologicheskiye korrelyaty uvlechennosti kompyuternymi igrami / Yu. V. Fomicheva, A. G. Shmelev, A. G. Burmistrov // Vestn. MGU. – Ser. 14 : Psikhologiya. 1991. – № 3. – S. 27–39.
 14. *Muratkina, Yu. N.* Vzaimosvyaz kompyuternoy zavisimosti i sovladayushchego povedeniya podrostkov: dis. ... kand. psikh. nauk: 19.00.07 / Yu. N. Muratkina. – Surgut : 2010. – 154 l.
 15. *Yegorov, A. Yu.* K voprosu o novykh teoreticheskikh aspektakh addiktologii / A. Yu. Yegorov // Narkologiya i addiktologiya. Sb. nauch. tr. / pod. red. prof. V. D. Mendeleevicha. – Kazan : Shkola, 2004. – S. 80–88.
 16. *Voyskunskiy, A. Ye.* Aktualnyye problemy psikhologii zavisimosti ot interneta / A. Ye. Voyskunskiy // Psikhologicheskiy zhurnal. – 2004. – T. 25. – № 1. – S. 90–100.
 17. *Loskutova, V. A.* Internet-zavisimost kak forma nekhimicheskikh addiktivnykh rasstroystv: dis ... kand. med. nauk: 14.00.18 / V. A. Loskutova. – Novosibirsk, 2004. – 107 l.
 18. *Dyakov, D. G.* Funktsionalnaya struktura samoidentifikatsii slabovidyashchikh podrostkov / D. G. Dyakov, N. P. Radchikova // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16. Psikhologiya. Pedagogika. – 2016. – Vyp. 4. – S. 130–145.
 19. *Dyakov, D. G.* Tsennostnyye oriyentatsii i samoidentifikatsiya lichnosti: fenomen koltsevoy determinatsii v psikhologii / D. G. Dyakov // Naukoviy visnik khersonskogo derzhavnogo universitetu. Ser. Psikhologichni nauki. – 2014. – Tom 1. – Vip. 1. – S. 36–44.
 20. *Dyakov, D. G.* Samoidentifikatsiya u lits, stradayushchikh psikhicheskimi rasstroystvami, svyazannymi s upotrebleniyem psikhooaktivnykh veshchestv raznogo tipa: komparativnyy analiz / D. G. Dyakov, N. N. Zhuk, Ye. S. Malakhovskaya // Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal. – 2016. – № 59. – S. 85–107.